

Руселина Ницолова

Софийски Университет «Св. Климент Охридски», София

E-mail: nitsolova@abv.bg

<https://doi.org/10.18778/8220-635-7.18>

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МОДАЛЬНОСТЬЮ, ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬЮ И ИЛЛОКУЦИОННОЙ СИЛОЙ

Настоящий период развития языкоznания, особенно в области функциональной, когнитивной грамматики и типологии, характеризуется подчеркнутым интересом к теоретическому изъяснению основных грамматических, семантических и прагматических понятий и отношений между ними. По этому вопросу накопилась уже немалая литература, обзор которой здесь невозможно сделать. В библиографии представлены разные теоретические взгляды по многим проблемам на материале одного, нескольких или множества языков (в типологических трудах). Из-за различий между языками, связанных со способом (грамматическим и/или лексическим) выражения определенного семантического или прагматического содержания, иногда очень трудно сопоставить разные теоретические позиции их авторов. Поэтому в функциональной и когнитивной грамматике лингвисты ищут выход из положения, определяя как *tertium comparationis* единственно понятийные категории более общего характера (см. напр. понятие *epistemicity*) (см. Boye, 2012), которое включает в себя две субкатегории: эвиденциальность и эпистемическая модальность.

В этой статье мы рассмотрим отношения в плане выражения и плане содержания между модальностью, эвиденциальностью и иллокуционной силой в болгарском языке, который интересен тем, что в нем существует оригинальная модализованная грамматическая система эвиденциальности, которая своеобразным образом сочетается с выражением иллокуционной силы высказывания.

Начнем с широко обсуждаемого в настоящее время отношения между модальностью и эвиденциальностью в лингвистике. Модальность является одним из самых расплывчатых понятий в современном языкоznании, потому что очень трудно объединить все возможные виды явлений, которые считают

модальными, в одном понятии, ср. напр. по этому вопросу превосходный обзор Ф. Пальмера (Palmer, 1986), а также мнение других исследователей (Auwera & Plungian, 1998). В. Плунгян позднее предложил два ‘центра консолидации’ внутри зоны модальности: *отношение говорящего к ситуации* (или ‘оценка’) и *статус ситуации по отношению к реальному миру* (или ‘ирреальность’) (Плунгян, 2011, с. 317). Это мнение близко к нашему суждению, что модальность является отношением субъекта к содержанию высказывания, при помощи которого он соотносит содержание высказывания и действительность, т.е. налицо трехстороннее отношение: субъект – содержание высказывания – действительность (Ницолова, 1984, сс. 147–170; Ницолова, 2008, с. 317).

Обычно различают два основных вида модальности: эпистемическую и деонтическую. Эпистемическая модальность выражает знание или мнение субъекта об отношении к действительности наличной в высказывании пропозиции, как и связанных с ней пресуппозиций (если такие налицо) (Ницолова, 2008, с. 317). Эпистемическая модальность обозначает, что представленная в пропозиции ситуация принадлежит к реальному миру (*realis*) или к некоторому возможному миру (*irrealis*). Возможные миры – это проекции реальности, т.е. возможные отношения между объектами, возможные совокупности знаний и т.д. Они находятся в отношении альтернативности, относительной возможности превратиться в реальный мир. Основные варианты ирреальности: *возможность*, которая может быть связана и с *вероятностью ее реализации*, *невозможность* (*контрафактивность*) и *необходимость*.

Эпистемическая модальность обозначает отношение высказывания к действительности как объект отражения, а деонтическая – «необходимость или возможность действий, которые совершают морально ответственные деятели» (ср. Lyons, 1977, с. 823). Различие между двумя видами модальности состоит в том, что при эпистемической модальности субъект хочет, чтобы его слова соответствовали действительности, а при деонтической модальности наоборот – он хочет, чтобы действительность соответствовала словам (Asher, 1994, сс. 2518–2519).

В болгарском языке модальность выражается грамматическими и лексическими средствами: наклонениями глагола, некоторыми формами залога, напр.: *Тук не се пущи!* ‘Здесь не курят – нельзя курить’, модальными конструкциями – *да-*, *нека-* формами и др., модальными наречиями, модальными частицами, модальными глаголами и др. Подлинные модальные глаголы – это глаголы, в значение которых налицо лишь модальные семантические признаки, напр. *мога* ‘мочь’, *може* ‘могло’, *трябва* ‘надо’ и др., но существует и множество глаголов, в значении которых налицо и модальные признаки

или лишь в одном из значений имеют модальный характер, напр. *позволявам* ‘разрешить, дать возможность’, *пускам* ‘дать возможность’, *целя* ‘стремиться, хотеть’ и др. Польская болгаристка М. Корытковска в своей монографии (см. Korytkowska, 1977) впервые подробно проанализировала семантику 163 болгарских модальных и модально маркированных глаголов и сделала важный вклад в описании лексических модальных средств.

Эвиденциальность представляет собой выражаемое языковыми средствами (грамматическими и лексическими) когнитивное состояние субъекта, связанное с получением информации из определенного источника, а также ее когнитивную классификацию, которая может быть различной для одного и того же сообщения в разное время – Ницолова, 2007, с. 108 (обзор других определений эвиденциальности см. напр. в Aikhenvald, 2004; Boye, 2012 и др.). В болгарском языке основное значение имеют грамматические средства, а лексические – лишь дополняющее или периферийное. М. Макарцев исследует отношения между грамматическими и лексическими средствами при выражении эвиденциальности и эпистемической модальности (*засвидетельствованности и доверия* в его терминологии) (см. Макарцев, 2008).

Как правильно заметил Г. Лазард, при выражении эвиденциальности говорящий как бы раздваивается в двух лицах – одно лицо, которое приобрело информацию, а другое, которое ее выражает (Lazard, 2001, с. 362). Эвиденциальная система болгарского языка состоит из 4 граммем: *индикатив*, *конклюзив*, *ренарратив* и *дубитатив*. В нашей модели описания эвиденциальности (Ницолова, 2007) мы используем пресуппозиции, которые передают разные ее варианты. В декларативных предложениях эвиденциальные пресуппозиции следующие:

Индикатив – пресуппозиции: а) *Я знаю как свидетель, что p* (p – пропозиция), напр. *Емил беше у нас вчера* – ‘Емил был у нас вчера’; б) *Я знаю на основе совокупного опыта общества, что p*, напр. *Солта е натриев хлорид* – ‘Соль – хлорид натрия’. Когда источник информации – общее знание, не обозначается способ получения информации. Ассерция в обоих случаях: *я утверждаю, что p*.

Конклюзив – общая пресуппозиция: *я знаю опосредованно, что p*, которая реализируется двумя вариантами: а) *Я считаю на основе инференции, что p*, напр. *Асен не ми се е обаждал днес* – *той е заминал*. – ‘Асен не звонил мне сегодня – он уехал’; б) *Я знаю не как свидетель (от общего знания), что p*, напр. *Като дете майка ми е свирела на цигулка* ‘В детстве моя мама играла на скрипке’. Интересно, что конклюзивом грамматически одинаково выражается

слабое, несвидетельское знание и мнение на основе инференции говорящего. Ассерция в обоих случаях: *я утверждаю, что р.*

Ренарратив – пресуппозиция: *Я знаю, что Х (определенное или неопределенное лицо, напр. в сказках, легендах, слухах, молве, сплетнях) сказал (написал), что р,* напр.: *Асен заминал и вече се обадил на жена си от Токио – ('Х сказал, что) Асен уехал и уже позвонил жене из Токио'.* Ассерция: *Я утверждаю, что Х утверждает, что р.* Таким образом говорящий подчеркивает, что Х, а не он сам несет ответственность за истинность высказывания.

Дубитатив – пресуппозиция: *Я знаю, что Х сказал (написал), что р, но я сомневаюсь, что р, т.е. я думаю, что более вероятно не р.* Напр. (Всички ми се смееха.) *Не съм бил можел да свържа Черкювското поле със селото* (А. Караджичев) – ('Все насмехались надо мной.') Якобы я не могу связать Черкювское поле с деревней'. Ассерция: *я утверждаю, что Х утверждает, что р.* Вероятность того, что утверждение Х неистинно, по мнению говорящего, варьирует от единицы (самый частый случай) до более низких границ, но всегда выше чем 50%. Дубитатив используется при «передразнивании» для выражения недоверия, несогласия, возмущения, иронии по отношению к сказанному слушателем (Демина, 1959, с. 354), но употребляется и при пересказывании речи третьего лица. Ассерция: *я утверждаю, что Х утверждает, что р.*

В вопросительных высказываниях говорящий выражает в пресуппозициях индикатива и конклюзива предполагаемое им отношение слушателя как свидетеля или несвидетеля ситуации, представляющей содержания пропозиции р. Ср.: *Иван замина ли вчера?* (индикатив – говорящий знает, что слушатель мог быть свидетелем р). Пресуппозиция: *Я спрашиваю тебя в качестве свидетеля об истинном ответе р на мой вопрос Q.* *Иван заминал ли е вчера?* (конклюзив – говорящий знает, что слушатель не мог быть свидетелем р). Пресуппозиция: *Я спрашиваю тебя в качестве несвидетеля об истинном ответе р на мой вопрос Q.* И оба примера (с индикативом и конклюзивом) переводятся одинаково по-русски, где указанное различие не грамматикализировано, ср. 'Иван уехал вчера?' Если в вопросительных предложениях употребляется ренарратив, это наблюдается лишь в контексте, в котором комментируется пересказанная речь третьего лица – напр., когда дети слушают сказку, которая передается ренарративом, они используют в своем вопросе ренарратив, напр.: *И какво стало после с Червенаата шапчица?* 'И что случилось потом с Красной шапочкой?' Пресуппозиция ренарратива в этом случае: *Я спрашиваю тебя на основе пересказанной речи третьего лица об истинном ответе р на мой вопрос Q.* Вопросительные

предложения с дубитативом в узусе не встречаются из-за своей семантической сложности.

Ренарратив может использоваться в декларативных высказываниях и для пересказывания *да-, нека-, нека да-*-форм с повелительным, пермиссивным или оптативным значением. Тогда пресуппозиция ренарратива имеет вид: *я знаю, что X приказал/ позволил/ пожелал p*, а ассерция: *я утверждаю, что X приказал/ позволил/ пожелал p*. Напр.: Учителката ми препоръча да съм четял повече – ‘Учительница рекомендовала мне читать больше’.

В болгарском языке существует и т.наз. адмиратив, который по форме совпадает с ренарративом, но не выражает когнитивное состояние говорящего, связанное с источником информации, который может быть различным – перцепция, умозаключение или чужая речь (Демина, 1959, с. 327), но перцепция является самым частым случаем. Адмиратив выражает удивление говорящего от внезапно установленного перед самым моментом речи факта, представленного в *p*, и это знание неожиданно, контрастирует с предшествующим состоянием его незнания, когда говорящий думал, что более вероятно не *p* (см. Guentchéva, 1990, с. 51; Plungian, 2001, с. 355, который даже говорит о специальном виде суждения «*a judgement concerning speaker's expectation*»).

Напр., в погожий день говорящий вдруг смотрит в окно и видит, что неожиданно идет дождь. Тогда он говорит: *Aх, то валяло!* (пример из Weigand, 1925, с. 150 – первый автор, описавший адмиратив) ‘Ах, оказывается, идет дождь’. О разных мнениях о статусе адмиратива см. Герджиков, 1984 и особенно монографию Алексова, 2003, которая представляет самое подробное описание адмиратива и предлагает другое объяснение его происхождения; тоже и Ницолова (Ницолова, 2008, сс. 166–168).

Мы считаем, что адмиративные формы, которые произошли от perfecta констатации без вспом. глагола в 3 л., постепенно совпали с ренарративными формами (см. Куцаров, 1994, с. 429). Поэтому чисто синхронно надо рассматривать адмиратив не как самостоятельное наклонение или как самостоятельную граммему, а как контрастную транспозицию ренарратива, так как он употребляется в ситуациях, которые противоречат ренарративному значению. Ренарратив указывает на предшествующее когнитивное состояние говорящего, когда он приобрел информацию из речи третьего лица, а адмиратив наоборот – указывает на отсутствие информации в информационном фонде говорящего и передает его собственную совершенно новую и неожиданную информацию. Кроме того, высказывания с адмиративом эмоционально маркированы специфичной интонацией, что типично для контрастных транспозиций – не случайно Св. Иванчев называет его *эксклата-*

мативом (Иванчев, 1976, с. 359). Мнение, что адмиратив – это транспозиция ренарратива, не является новым в болгаристике (см. напр. Андрейчин, 1944, с. 311; Валтер, 1982, сс. 50–51; Куцаров, 1994, с. 429), но оно было аргументировано по-другому или вообще не было аргументировано.

Предложенное короткое описание болгарской эвиденциальности показывает ее связь с модальностью, а также и с адмиративностью. Это не случайно, так как эти три категории представляют информацию об информации. Эвиденциальность и модальность в болгарском языке перекрываются (не случайно Плунгян говорит о модализованной эвиденциальной системе в балканских языках, см. Плунгян, 2011). Это перекрывание наблюдается особенно подчеркнуто при дубитативе, которым выражается сомнение в истинности передаваемой речи третьего лица, и при конклюзиве, которым обозначается мнение, основанное на собственной инференции, или слабое, несвидетельское знание, основанное на знания общества. Индикатив тоже маркирован модально – он передает знание говорящего, основанное или на собственной перцепции, или на общем знании, что имплицирует уверенность говорящего в истинности передаваемой информации. Наше мнение (Ницолова, 2007, сс. 112–113) близко к мнению С. Дилэнси:

The unmarked knowledge status is a proposition which is known by the speaker by direct experience is assumed to be certainly true, and is fully consistent with the rest of the speaker knowledge of the world. Evidentiality, mirativity, and modality represent devices for marking a proposition as failing to meet one of these criteria (DeLancey, 2001, с. 380).

Что касается эпистемической модальности, то она выражает не только реальность, но и ирреальность, как и эвиденциальность обозначает и другие источники информации, чем директное восприятие говорящего – общий опыт, инференция, речь третьего лица. Дубитатив выражает даже сомнение говорящего в истинность пропозиции, передаваемой из речи третьего лица. Что касается адмиратива, который представляет транспозицию ренарратива, он передает информацию, которая неожиданна, не консистентна с предварительным знанием говорящего.

Эвиденциальность комбинируется и с иллокуционной силой высказывания. Иллокуционная сила высказывания представляет отношение, в котором субъект хочет вступить при помощи высказывания с действительностью, рассматриваемой как объект изменения, а не как объект отражения, как в случае с эпистемической модальностью (Ницолова, 1984–1985). Если в декларативных высказываниях эвиденциальные пресуппозиции выражают когнитивные состояния *говорящего*, связанные с источником передаваемой информации, в вопросительных высказываниях говорящий представляет в эвиденциальных пресуппозициях предполагаемые им когнитивные состо-

яния слушателя, связанные со способом получения информации, о которой идет речь в вопросе. Эта предполагаемая информация слушателя может быть получена им в качестве свидетеля или несвидетеля ситуации, или может быть известной ему из общего знания. Лишь при ренарративе источником информации слушателя является пересказанная речь третьего лица.

Очень интересно и то, что ренарратив превращает повелительные, оптативные, пермиссивные высказывания в декларативные, т.е. эвиденциальность может изменить их иллокуционную силу, так как говорящий лишь сообщает, что автор речи произнес соответствующее повелительное, оптативное или пермиссивное высказывание в другом речевом акте.

Наш анализ лишь скицировал основные положения, связанные с отношениями между эпистемической модальностью, эвиденциальностью и иллокуционной силой высказывания в болгарском языке. Это огромная и очень сложная проблематика, которая нуждается в подробном исследовании в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексова, К. (2003). *Адмиралтивът в съвременния български език*. СЕМА РШ.
- Андрейчин, Л. (1944). *Основна българска граматика*. Хемус.
- Валтер, Х. (1982). За отношението между адмиралтивно и ренарративно значение при т. нар. «преизказни форми» в българския книжовен език. В K. Gutšmit, S. Todorov, Ivančev, & H. Valter (Ред.), *Езиковедската българистика в ГДР* (сс. 47–53). Наука и изкуство.
- Герджиков, Г. (1984). *Преизказването на глаголното действие в българския език*. Наука и изкуство.
- Демина, Е. (1959). Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. В С. Б. Бернштейн (Ред.), *Вопросы грамматики болгарского литературного языка* (сс. 313–378). Издательство Академии наук СССР.
- Иванчев, С. (1976). Проблеми на развитието и функционирането на модалните категории в българския език. В П. Пашов & Р. Ницолова (Ред.), *Помагало по българска морфология: Глагол* (сс. 348–360). Наука и изкуство.
- Куцаров, И. (1994). *Едно екзотично наклонение на българския глагол*. Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Макарцев, М. (2008). К вопросу о связи лексических и грамматических показателей эвиденциальности в болгарском языке. В B. Wiemer & V. A. Plungjan (Ред.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72)* (сс. 239–284). Sagner.
- Ницолова, Р. (1984). *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. Народна просвета.

- Ницолова, Р. (1984–1985). За илокуционната сила на изказванията. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, 1984–1985* (27–28), 553–557.
- Ницолова, Р. (2007). Модализованная эвиденциальная система болгарского языка. В Б. С. Храковский (Ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой* (с. 107–196). Наука.
- Ницолова, Р. (2008). *Българска граматика: Морфология*. Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Плунгян, В. А. (2011). *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Российский государственный гуманитарный университет.
- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford University Press.
- Asher, R. E. (Ред.). (1994). *Encyclopedia of language and linguistics* (ELL). Pergamon Press.
- Auwera, J., & Plungian, V. A. (1998). Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 2(1), 79–124. <https://doi.org/10.1515/lity.1998.2.1.79>
- Boye, K. (2012). *Epistemic meaning: A Crosslinguistic and functional-cognitive study*. De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110219036>
- DeLancey, S. (2001). The mirative and evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33(3), 369–382. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80001-1)
- Guentchéva, Z. (1990). Valeur inférentielle et valeur «admirative» en bulgare. *Съноставително езикознание*, 1990(4–5), 47–52.
- Korytkowska, M. (1977). *Bułgarskie czasowniki modalne* (T. 2). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Lazard, J. (2001). On the grammaticalization of evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33(3), 359–367. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(00\)00008-4](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(00)00008-4)
- Lyons, J. (1977). *Semantics* (T. 2). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139165693>
- Palmer, F. R. (1986). *Mood and modality*. Cambridge University Press.
- Plungian, V. A. (2001). The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 2001(33), 349–357. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(00\)00006-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(00)00006-0)
- Weigand, G. (1925). Der Admirativ im Bulgarischen. *Balkan Archiv*, 1925(1), 150–152. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1925.tb02333.x>

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford University Press.
- Aleksova, K. (2003). *Admirativūt v sūvremenniiia būlgarski ezik*. SEMA RSH.
- Andreichen, L. (1944). *Osnovna būlgarska gramatika*. Khemus.

- Asher, R. E. (Ed.). (1994). *Encyclopedia of language and linguistics* (ELL). Pergamon Press.
- Auwera, J., & Plungian V. A. (1998). Modality's semantic map. *Linguistic typology*, 2(1), 79–124. <https://doi.org/10.1515/lity.1998.2.1.79>
- Boye, K. (2012). *Epistemic meaning: A Crosslinguistic and functional-cognitive study*. De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110219036>
- DeLancey, S. (2001). The mirative and evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33(3), 369–382. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80001-1)
- Demina, E. (1959). Pereskazyvatel'nye formy v sovremennom bolgarskom literaturnom iazyke. In S. B. Bernshtein (Ed.), *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo iazyka* (pp. 313–378). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Gerdzhikov, G. (1984). *Preizkazvaneto na glagolnoto deistvie v bülgarskiia ezik*. Nauka i izkustvo.
- Guentchéva, Z. (1990). Valeur inférentielle et valeur “admirative” en bulgare. *Súpostavitelno ezikoznanie*, 1990(4–5), 47–52.
- Ivanchev, S. (1976). Problemi na razvitioto i funktsioniraneto na modalnite kategorii v bülgarskiia ezik. In P. Pashov & R. Nitsolova (Eds.), *Pomagalo po bülgarska morfologiia: Glagol* (pp. 348–360). Nauka i izkustvo.
- Korytkowska, M. (1977). *Bulgarskie czasowniki modalne* (T. 2). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Kutsarov, I. (1994). *Edno ekzotichno naklonenie na bülgarskiia glagol*. Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”.
- Lazard, J. (2001). On the grammaticalization of evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33(3), 359–367. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(00\)00008-4](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(00)00008-4)
- Lyons, J. (1977). *Semantics* (T. 2). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139165693>
- Makartsev, M. (2008). K voprosu o sviazi leksicheskikh i grammaticheskikh pokazatelej évidentsial'nosti v bolgarskom iazyke. In B. Wiemer & V. A. Plungjan (Eds.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72)* (pp. 239–284). Sagner.
- Nitsolova, R. (1984). *Pragmatichen aspekt na izrechenieto v bülgarskiia knizhoven ezik*. Narodna prosveta.
- Nitsolova, R. (1984–1985). Za ilokutionsonnata sila na izkazvaniata. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, 1984–1985(27–28), 553–557.
- Nitsolova, R. (2007). Modalizovannaya évidentsial'naia sistema bolgarskogo iazyka. In V. S. Khrakovskii (Ed.), *Évidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii: Sbornik statei pamiati Natalii Andreevny Kozintsevoi* (pp. 107–196). Nauka.
- Nitsolova, R. (2008). *Bülgarska gramatika: Morfologiia*. Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”.
- Palmer, F. R. (1986). *Mood and modality*. Cambridge University Press.
- Plungian, V. A. (2001). The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 2001(33), 349–357. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(00\)00006-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(00)00006-0)

- Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: Grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iaazykov mira*. Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Valter, Kh. (1982). Za otnoshenieto mezhdu admirativno i renarativno znachenie pri t. nar. "preizkazni formi" v bulgarskiiia knizhoven ezik. V K. Gutshmit, S. Todorov, Ivanchev, & H. Valter (Eds.), *Ezikovedskata bülgaristika v GDR* (pp. 47–53). Nauka i izkustvo.
- Weigand, G. (1925). Der Admirativ im Bulgarischen. *Balkan Archiv*, 1925(1), 150–152. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1925.tb02333.x>

Отношения между модальностью, эвиденциальностью и иллокуционной силой

Резюме

В статье рассматриваются отношения между модальностью, эвиденциальностью и адмиративностью в болгарском языке. Подобно Дилэнси (DeLancey, 2001), мы считаем, что модальность, эвиденциальность и адмиративность выражают разные виды информации об информации. Эвиденциальность взаимодействует разным образом с иллокуционной силой declaratивных, вопросительных, императивных, пермиссивных, оптативных высказываний.

Ключевые слова: модальность; эвиденциальность; адмиративность; иллокуционная сила; взаимоотношения между ними; болгарский язык

Relations Between Modality, Evidentiality and Illocutionary Force

Abstract

This article deals with the relationship between modality, evidentiality, admirativity and illocutionary force in Bulgarian. Like DeLancey (DeLancey, 2001), we believe that modality, evidentiality and admirativity encode various types of information about information. The study examines the effect of evidentiality in sentences with different illocutionary force: declaratives, interrogatives, imperatives, optatives and permissives.

Keywords: modality; evidentiality; admirativity; illocutionary force; relationship between modality, evidentiality, illocutionary force and admirativity; Bulgarian language